

Проблемы современного русского языка

Из истории слов *сосуля* и *сосулька*

Елена Николаевна Геккина, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), gekkina@rambler.ru

DOI: 10.31857/S013161170005689-6

Аннотация: В статье дается обзор справочно-энциклопедических сведений о словах *сосуля* и *сосулька*, ставших предметом общественной дискуссии в 2010–2016 годах. Анализ данных из разнотипных источников позволяет внести уточнения в характеристику функциональных, семантических и лексико-стилистических особенностей этих двух слов. Первые известные нам письменные упоминания слов *сосуля* и *сосулька* относятся к концу XVI – началу XVII века. Это зафиксированные в писцовых и межевых книгах, в дипломатических документах Московского государства прозвища и фамилии людей, то есть антропонимы. Описание в словарных и историографических источниках повседневных традиций в России свидетельствует о том, что производное *сосуля* и другие дериваты глагола *сосать* служили для обозначения маленьких детей, а также предметов, используемых при их кормлении. Слова *сосуля* и *сосулька* также употреблялись как наименования пряничных изделий и конфет. В говорах лексемы использовались и в качестве названий курительных средств. Два слова в «ледяном» значении имеют печатные подтверждения, датируемые XVIII веком и свидетельствующие об их принадлежности обиходному языку. Использование в книжной речи, имеющей прикладную направленность, способствовало функциональному закреплению лексем. Иллюстрации из источников последующих веков демонстрируют семантическое и стилистическое разнообразие двух слов, хотя их лексикографические фиксации дискретны, неполны. Сравнительные данные из славянских языков и северных русских говоров, а также целостный функциональный анализ позволяют ставить

Е. Н. Геккина. Из истории слов *сосуля* и *сосулька*

E. N. Gekkina. History of Words *Sosulya* and *Sosul'ka*

отдельный вопрос об этимологии лексем с «ледяным» значением. Новые материалы, прежде всего о языке XV–XVII веков, могут помочь в реконструкции остающихся в «тени» страниц истории двух слов и производящей глагольной номинации *sъpsati.

ключевые слова: историческая лексикология, лексикография, словари, русские говоры, этимология, семантика, нормы речи

для цитирования: Геккина Е. Н. Из истории слов *сосуля* и *сосулька* // Русская речь. 2019. № 5. С. 22–33. DOI: 10.31857/S013161170005689-6.

Issues of Modern Russian Language

History of Words *Sosulya* and *Sosul'ka*

Elena N. Gekkina, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Saint-Petersburg), gekkina@rambler.ru

ABSTRACT: The article offers an overview of reference and encyclopedic information on words *sosulya* and *sosul'ka* (icicle) that have been widely discussed in public between 2010 and 2016. Analysis of data from various sources allowed us to better define functional, semantic and stylistic features of the two words. First written occurrences of these words known to us date back to the end of the 16th, beginning of the 17th century. Official handwritten household and boundary records and diplomatic documents of the Moscow state list them as anthroponyms — people's nicknames and surnames. Descriptions in vocabulary and historiographic sources on everyday traditions in Russia testify that *sosulya* and other derivatives from *sosat'* (to suck) served to refer to small babies and to items that helped in nursing them. Words *sosulya* and *sosul'ka* were also used to denote some kinds of gingerbread pastries and sweets. In dialects they sometimes refer to smoking utensils. First written confirmation of using the ice-related meaning in everyday speech date to 18th century. Soon both words made their way into book language with applied focus, which helped to formally establish their functions. Sources from later centuries demonstrate semantic and stylistic variation of

both words even though their lexicographic descriptions are discrete and incomplete.

Comparative data from other Slavic languages and from northern Russian dialects, as well as comprehensive functional analysis, allow us to raise the standalone question of etymology of ice-related lexemes. New data, especially about the language of the 15th–17th centuries, could help us shed light on obscure pages of history of the two words and the productive verbal nomination **səpsati*.

KEYWORDS: historical lexicology, lexicography, dictionaries, Russian dialects, etymology, semantics, norms of speech

FOR CITATION: Gekkina E. N. History of Words *Sosulya* and *Sosul'ka*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 22–33. DOI: 10.31857/S013161170005689-6.

Cамые ранние свидетельства, имеющие отношение к истории двух слов, хранят писцовые и межевые книги Московского государства. В них упомянуты люди разных сословий, в том числе обладатели прозвищ *Сосуля* и *Сосулька*. В муромских списках 1592–1594 годов назван крестьянский двор *Сосулки Третьякова*; в 1620–1630 годах записаны имена населявших торговые и ремесленные слободы, среди них *Сосуля*, *Сосулин* и *Сосульник-прянишник*, представитель родословной *Сосульниковых*. В писцовой книге Белёва 1628 года указан крестьянин *Ивашка Сосуля*. В документах начала XVII века, отражающих дипломатические сношения с западными странами, значится пристав из Орши *Степан Сосулин*, или *Степанко Сосулич* (1606). Фамилии, восходящие к старинным прозвищам, люди носят по сию пору.

Словари русских говоров подтверждают: *сосулями* называли людей. Но обычно так именовали не взрослых, а младенцев, которых матери кормили грудью, и малышей, не расстававшихся с соской: *Сосуля — ребенок, который долго соску ест, долго с соской ходит; С сосулей ходит бабка* [Словарь русских народных говоров 2006]. О подростках и взрослых говорили, когда подмечали похожие привычки: *Он по младенческой привычке все палец сосал — вот и звали его во дворе Сосулей*.

Существительное образовано от глагола *сосать*, который стал основой и для других производных, обозначающих маленьких детей: *сосун, сосунок, подсос, подсосок, отсосок, молокосос*. Некоторые из слов употребляют-

ся по отношению к взрослым людям — в переносном, часто пренебрежительном значении ‘молодой’; ‘незрелый, неопытный в каком-либо деле’.

У производных *сосуля* и *сосулька* отчетлива ветвь предметных значений. Младенцам в первые дни жизни давали завернутый в тряпочку разжеванный хлеб — *сосулю*. О распространенной в России традиции рассказывают областные словари и историко-этнографические публикации: *Сосуля — пережеванный черный хлеб, завернутый в тряпку, давали маленькому ребенку* [Словарь вологодских говоров 2005]; *Водой, согретой в самоваре, бабушка мыла ребенка, а потом совала в рот ему сосулю — завернутый в тряпочки жеваный ржаной хлеб — и ложила в зыбку* [Бердинских 2001: 195].

Рожок для кормления ребенка получил то же название: *Сосулю детям дают, у барашка рожок отпилят, конечек тряпочкой навертят — вот и сосуля* [Словарь русских народных говоров 2006]. Разжеванный хлеб в тряпочке и рожок обозначали также словами *сосулька*, *сосулечка*, *сосовуля* и *соска*.

В. И. Даля в «Словаре живого великорусского языка» указывает, что слово *сосуля* обозначало большой ломоть хлеба или пирога. Увы, в нашей выборке нет примеров с «пироговым» значением. Однако хорошо известно, что в старину необходимую принадлежность во всяком обиходе составляли *пряничные произведения и разного звания медовые сладости*. В XIX веке *сосули* или *сосульки медовые, паточные, пряничные*, а также *сосульки топленого меду с мукою* упоминаются в литературе разных жанров и в словарях. По московским воспоминаниям И. М. Снегирева, предметами лакомства были моченый горох, разварные яблоки, сбитень, медовый квас и *сосульки из сухарного теста с медом* [Снегирев 1871: 186]. Герои гоголевского рассказа «Вий» видят торговку сосульками на рынке: подняв что-то длинное, скрученное из теста, она кричала: «Паничи, купите сосульку!» Выражения *медовая, сахарная, паточная, копеечная сосуля* или *сосулька* использовали для шутливой, ироничной характеристики человека;ср. портретную зарисовку в одном из журналов начала XX века: *по одной его походке можно было сказать, что это настоящий мужчина, а не сахарная сосулька* (Мир приключений, 1910–1926).

Словом *сосулька* обозначали еще одно лакомство — конфеты, изготовленные из топленого сахара. Разновидности сахара, в том числе леденец, в России знали давно, но в первой трети XIX века стали производить и продавать дешевые леденцы и леденчики. В художественных произведениях попадаются незатейливые *сосульки из леденца, сосульки-леденцы*, фигурные петушки, медведи, зайцы, кошки на деревянной палочке. В рецептурных справочниках *сахарная сосулька* рекомендована «для сосания при кашле, особенно в детской практике».

В XIX веке к общеданным предметам, обозначаемым словами *сосуля* и *сосулька*, добавились папиросы и сигареты. Их часто сворачивают, скручивают из *махорки* и *курят*, *тянут*, *смолят*; отчаянные же любители *зажигают одну сосульку об другую*. Наглядные примеры находим в словарях: *Все время во рту-то сосуля, все цигарку сосет* [Словарь русских говоров Карелии 2005].

Ледяные *сосули* и *сосульки* появляются на страницах печатных изданий в XVIII веке. Упоминания о замерзших конических фигурах содержат практические, в частности в о е н н ы е, описания. В артиллерийских руководствах объясняются правила изготовления пороха: для него варят селитру, которую очищают, пропуская через полотно, и она садится в остывающей воде *маленькими прутиками*. Петровские переводчики книг использовали слова *ледни*, *сосулки*; например: *сидеть въ ней селітра, какъ ледяные сосулки* [Браун 1709: 144].

Отметим интересную лексическую особенность в языке предшествующей эпохи. В 1607 и 1621 годах, во времена царствования Василия Шуйского и Михаила Федоровича, из иностранных книг были выбраны и переведены военные указы и статьи, в том числе касающиеся пушечных дел. В рукописи, подготовленной О. М. Радищевским [Радищевский 1781], встречаются фигуры предметного сравнения: *селитра станет сопельками*, что лед. Слова *сопли*, *сопельки*, *соплевата* неоднократно использованы при описании *доброй селитры*; например: *села великими соплями, [на сосуде] обявляются сопельки волгонки*. Эта лексическая параллель значима и приоткрывает тайну судьбы обсуждаемых слов.

Описания пещер составляют еще один вид практических произведений, в которых употреблены обороты *ледяные сосули*, *сосульки* и *окаменелые сосульки*. Ученые используют их наряду со словами *капи*, *капельники*, *наросты*, *пирамиды*, *хрустали* и терминами *сталактит* и *сталагмит*, заимствованными из европейских минералогических дескрипций. Периодическое издание Петербургской академии наук, журнал с прекрасным названием «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», в 1756 году представило «Перевод из Натуральной истории» господина де Бюффона. В нем находим первый фрагмент, в котором окаменелые формы пещер уподоблены *ледяным сосулям, крепко к своду приставшим*.

В «опытах рудословия» также упоминаются *сосульки*, в их числе *каменные, купоросные*. М. В. Ломоносов пишет о разновидности горного камня: он бывает «*фигурою сувороват, или сосульками как под кровлями висячей лед*» [Ломоносов 1763: 36]. Возможно, этому сравнению обязано

изображение женского наряда в «Былях и небылицах» Екатерины II: *великое множество крупных бус, подобно как зимой ледяные сосули на кровлях висят* (1783). В ученых сочинениях эти две лексемы могли быть востребованы именно как средство выразительности. Химик Т. Ловиц обратил внимание на изменения *соляной сосульки*: кристаллическое образование висело *наподобие ледяной, густым инеем покрытой сосули*. В географических описаниях значимы пейзажные подробности, и иногда среди них попадаются ледяные *мерзляки*. Путешественник Н. Озерецковский, посетивший водопад Кивач, в дневнике оставил запись о деревьях: *в зимнее время стоят они обвешаны ледяными сосульками*.

В 1731 году выпущен «Немецко-латинский и русский лексикон», составленный на основе словаря Э. Вейсмана и первым отметивший одно из слов. Многозначное немецкое *zapffen* и латинское *stiria* ('замерзшая капля') здесь снабжены переводом *сосулка лдяная* (*от капель с кровель текущих срастающаяся*). В русской части многоязычных словарей, изданных в XVIII веке, появлялась именно *сосулька*: *ледяная, льдяная, леденая, сосулка от морозу, капельная, каменная, купоросная*. «Полный немецко-российский лексикон», подготовленный в 1798 году на основе словаря И. К. Аделунга, содержит оба слова — *сосуля* и *сосулька*, а также врачебные термины *сосулька носовая, слабительная, ветрогонительная* (то же, что *ветрогонная свечка*).

Весьма своеобразно два слова отражены в академических словарях русского языка. В «Словаре Академии Российской» (1789–1794) существительное *сосулька* не выделено, но использовано в статьях, посвященных другим словам. Например, одно из значений слова *висулька* изъяснено при помощи толкования: «*Сосулька; ледяное коническое тело, от замершей капели произшедшее, и к краям кровли придерживающееся*». Толкование «*Скипевшийся и наподобие сосульки висящий камень в подземной пещере*» дано для слова *капельник*. Статья *лед* включает речения *сосулька лденая, ледяная*. В переизданный словарь (1806–1822) внесены изменения: второе значение слова *висулька* сопровождается сокращенным, но емким толкованием «*Ледяная сосулька*»; это же речение дано в статье *лед*.

«Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) был значительно расширен по составу, и в нем слову *сосулька* посвятили уже отдельную статью. Примечательны количество и последовательность значений, наличие поясняющего прилагательного: «1) *Ледяная*: висящий с крыш лед, в виде остроконечного зубца или прута. 2) *Медовая*: род медового пряника, в виде палочки. 3) *Каменная*: капельник, сталактит. 4) *Eriactis, растение*».

В 1863–1866 годах вышел в свет «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. В большой статье о глаголе *сосать* и его производ-

ных читаем: «*Сосуля* ж. *сосулька*, -лечка, что можно сосать, или чему дан такой вид, наружность, будто оно назначено для соски, сосанья. *Хлебная, пряничная сосулька, медовая сосулька, палочка. Ледяная сосулька, намерзшая вода, капель. Вся стреха унизана сосульками, ровно подвесками. Каменные сосульки, капельник, сталактит*».

Краткие словарные описания оставляют без отчетливого ответа вопрос, возникающий при рассмотрении иллюстративного материала. Действительно ли «ледяное» значение двух слов формировалось под влиянием представления о том, что намерзшие под кровлями домов и на деревьях сосульки лизали и ели?

Конечно, *под сосулей можно было напиться досыта*. Человек, бывало, кашляет, а все равно ледяную сосульку ест, свидетельствуют иллюстрации в областных словарях. В. Личутин в романе «Раскол» пишет о сосулях: «Помнится, в детстве-то как радостно было их сосать; обжигали ледяхи до самой утробы, но сладили, как мед; сколько за эту проказу перепадало от мамки» [Личутин 2000: 35]. Поморы вторят земляку: «Возьмешь сосульку побольше и сосешь вместо леденца» [Хохлова 2004: 100]. Хрустели настывшие ледяные сосульки и на зубах голодного человека.

Между тем лексическое окружение, особенно глагольная сочетаемость, и содержательные аспекты разножанровых текстов XIX–XX веков дают основания утверждать, что смысловые нити двух слов прочнее связаны с «природной» стороной, с познанием естественных процессов материального мира.

Сосули и сосульки висят под кровлями, с застрех и крыш, под карнизами или над окнами, крыльцом, пролетом рамы, из желобов... Мороз закручивает слюдяные сосули по карнизам крыш; они намерзают, растут и нарастают — сами по себе... А могут крыши развесить искристые сосули почти до сугробов... Туман и мороз лепят ледяные сосули и сосульки на ветвях деревьев, и при ветре от них идет переливчатый звон. Ослепительно сверкающие на солнце; блестящие; искристые; что хрусталь, они тают, капают, крапают; роняют редкие слезы или плачут, дробно стучат слезами о панель; исходят стрекочущей капелью и откальваются, разлетаются со скрежетом... Их роняют крыши с грохотом и звоном, и улица звенит от падающих ледяных сосулей.

Календарь отмечает день Василия Капельника (28 февраля / 13 марта) и Евдокии Плющихи (1/14 марта). В народе говорили: *Посмотри на Васильев день на капельники (сосульки), и капель пойдет; на Евдокию сосули длинны, значит, весна будет долгая, холодна, а если сосули коротки — рано будет тепло.*

Заметка в журнале «Будильник» (1884) напоминает о злободневном: «Что делать с ухабами, озерами и сосулями, не знает ни один домохозяин.

*Снеговые громады и пудовые сосули срываются с крыши сами, без вмешательства культурного человека». И сосульки угрожают пронзить зазевавшегося прохожего, долбануть по башке... Объявления на современных городских зданиях предупреждают: *Осторожно, сосульки! Возможна падение сосулек!* Сосульки могут отвалиться или обломиться сами, но жилищные службы, обеспокоенные безопасностью горожан, решаются на культурное вмешательство и чистят крыши. Как в сводке Совинформбюро, коммунальные работники сообщают победно: «*Крыша освобождена от сосулей*». Способы борьбы людей с наледью отражены в словесных формах: *сосули, сосульки сшибают и сбивают*; в них включаются и названия инструментов: *ломами, ледорубом, палками, лопатами*. Предложения рационализаторов расширяют этот диапазон; ср. создавать и использовать *стряхиватели сосулек, карнизные сосулеломы, обрушиватели сосулек, ледорезы; скальвать сосульки элементами сбивания, срезать сосули паром или лазером...**

Где еще появлялись сосули и сосульки? На морозе инеем, куржаком покрывалась и одежда человека, а на лицо — на брови, ресницы, усы и бороду — садились... сосульки. Древнеримский поэт Вергилий описал северный сюжет в «Георгиках»: *И страшные в брадах нечесаных сосульки намерзшие висят* (*Stiriaque impexis induruit horrida barbis*; перевод 1777 года). Н. М. Карамзин восклицал: «*Сколько неудобности и зимою носить на лице иней, снег и сосульки!*» (1790). Кто как освобождал усы и бороду от сосулек: ледяные сосульки оттаивали, снимали, сбрасывали, обламывали, сокребали и обрывали с бороды и усов, вытаскивали из бороды, отирали от усов и бороды.

Отдельного упоминания требуют носы, не защищенные от пагубного влияния морозов: *зимой на морозе под носом вот такие сосули!* Этнографические описания воспроизводят народные представления о явлениях природы: *мороз мог олицетворяться в виде седого деда, совершенно обмерзшего сосулями*, но мог изображаться в виде старого деда, в снежных одеждах и в ледяных чоботах, *обвешанный соплями*.

Кстати, у человека сосули и сосульки под носом могли появиться в любое время года, что запечатлено в произведениях народного и авторского творчества. Вот девушки поют парням на деревенских посиделках: *руки ноги колесом, две сосули под носом*. А это слова персонажа личутинского «Раскола»: *под носом-то кровавые сосули обери...*

Несомненно смысловое пересечение: слова *сосули, сосульки* и *сопли* обозначали одно и то же. Эту лексическую параллель обнаруживает и приведенное выше сопоставление военных описаний селитры. К общему знаменателю подводят русско-французские словари. *Вода, сопля, сосулька из носу каплющая, чистая и холодная капля текущая из носу* — таков перевод слова *roupie* в «Полном французском и российском лексиконе»,

подготовленном на основе «Лексикона Французской академии» и вышедшем в 1786 году. Один из переводчиков словаря И. И. Татищев поместил в дополненное издание (1798) ряд: *сопля, сосулька, чистая и холодная капля текущая из носу*.

Славянскую основу *sopel* характеризует такое же соотношение таких же значений. До сих пор польское слово *sopel* сохраняет значения ‘слизь из носа’ и ‘ледяная сосулька’. Слова *сопель*, *соплик* в «Словаре белорусского наречия» И. И. Носовича (1870) и *сопіль*, *сопляк* в «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченко (1907–1909) представлены в значениях ‘сопля’ и ‘сосулька ледяная’. Северные русские говоры хранят собственные свидетельства. В «Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого (1885) истолкованы прямое и переносное значения слова, имеющего к тому же близкую словообразовательную структуру: «*Сопули — сопли. В переносном смысле сопулями называются висящие с краев кровли ледяные сосульки*».

Природа открывается в наименованиях. Полезные ископаемые при обработке являлись в фигурах, которые люди не всегда сравнивали с ледяными образованиями, хотя называли *сосулями* и *сосульками*. При литье пушки образовывались натеки, и готовую фигуру очищали от *металловых излишностей* и *сосулек*. Выражения *вытекать сосульками* и *стекаться в сосули* встречаются в переводах книг, посвященных рудному делу и плавильному искусству.

В XX веке слова *сосули* и *сосульки* стали употребляться в научно-технических текстах об огнеупорных и иных материалах, подвергаемых воздействию высоких температур. Сталевары знают, что своды марлевских печей, сложенные из динаса, при перегреве плавятся и дают *сосули*, значит, надо уметь нагревать металл до такой температуры, чтобы не подпалить свод. Подтеки металла в виде торчащих *сосуль* на сварных швах; *нитевидные сосульки свинца*; наплывы в швах домовой печи, превращенные в *кирпичные сосули*; *сосульки эмали, образующиеся при расплавке в просверленных тиглях*; керамические изделия с дефектами вроде трещин, посечек, выплавок, *сосуль* — эти выдержки из разножанровых описаний свидетельствуют: не только вид, наружность замерзших или окаменевших конических тел были показательными, но и процесс образования, а точнее, вытекания материи был живым и наглядным.

Было ли каплями вытекающее из чего-либо жидкое вещество, которое застывает, отвердевает и висит в вытянутом, конусообразном виде, прообразом для номинации ледяных конических тел? Или смысловой потенциал производных имен был самодостаточным и прилагательное *ледяная* лишь уточняло свойства намерзшей капели? Пролить свет на нити

судьбы двух слов должна история основы, заложенной в глагол *сосать*. М. Фасмер и П. Я. Черных допускали, что славянские слова *сосать*, *ссать*, *сцать* могли произойти из индоевропейского **św̐rsati*. Это сближение заостряет вопросы о том, в каком направлении шло семантическое развитие глагольной номинации, какой этап ее жизни связан с означиванием объектных действий людей, не следует ли вести здесь речь о глагольной омонимии.

Когда-то обе лексемы, не растерявшие «природных» признаков, выступали в роли изобразительных средств при характеристике людей. Метафорическое употребление хорошо иллюстрирует высказывание голевского Городничего о Хлестакове: «*Сосульку, тряпку принял за важного человека!*» Антитеза очерчивает образ еще одного комедийного персонажа — Платона Михайловича Горича: «*Из веселого доброго молодца, по милости жены, он сделался сосулей*» [Неверин 1839: 127]. Чеховский герой признается в собственной негодности: *выжатый лимон, сосулька, ржавый гвоздь*.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934–1940) переносное значение слова *сосулька* представлено описательно: «О ничтожном или слабом, хилом человеке (презрит.)». Сведения об этой ироничной лексеме помещены также в «Словаре современного русского литературного языка» (1949–1965) и в некоторых двуязычных словарях. Но в русском языке первой половины XX века это уже историзм. В современной речи ироничный потенциал метафорического и метонимического употребления слов *сосуля* и *сосулька* извлекается из субъектно-объектной семантики производящего глагола.

Источники

Браун Э. Новейшее основание и практика артиллерии. В Москве: [Московский Печатный двор], 1709. [2], 196 с.

Вейсман Э. Немецко-латинский и руский лексикон: Купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе / При Имп. Академии наук печатию издан; St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. [4], 788, 48 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. Москва, 1863–1866. 4 т.: Р.–V. 1866.

Ломоносов М. В. Первые основания металлургии, или рудных дел. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1763. 416 с.

Неверин Н. Муж — эгоист. Ч. 1–2. СПб.: тип. К. Вингебера, 1839. 2 т. Ч. 2. [4], 182 с.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. [6], 198 с.

Полной французской и российской лексикон: С последняго издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный. Второе издание. В Санктпетербурге: Имп. тип., 1798.

Полной французской и российской лексикон: С последняго издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный Собранием ученых людей. СПб.: Имп. тип., 1786.

Полный немецко-российской лексикон: Из большаго грамматикально-критического словаря господина Аделунга составленный. В Санктпетербурге: Имп. тип., 1798.

Радищевский О. М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб.: При Гос. воен. коллегии, 1777–1781. Ч. 2. 1781. 231 с.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге: При Имп. Акад. наук, 1806–1822.

Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: 1847.

Снегирев И. М. Воспоминания / Снегирев И. М. Старина русской земли. Т. 1. СПб.: А. Д. Ивановский, 1871. С. 146–204.

Литература

Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. 427 с.

Герд А. С. (ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 6. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 992 с.

Личутин В. В. Раскол: Ист. роман в 3-х кн. Кн. 3: Вознесение. М.: Информпечатъ, 2000. 799 с.

Паникаровская Т. Г. (ред.). Словарь вологодских говоров. Вып. 10. / Вологодский гос. пед. ин-т; Вологда: ООО ИПЦ Легия, 2005. 181 с.

Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.–Л.: Наука, 1965–. Вып. 40. 2006.

Словарь современного русского литературного языка / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. М.–Л.: 1950–1965. Т. 14. 1963.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 1971. 827 с.

Ушаков Д. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка. В 4-х томах. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.

- Хохлова Н. В. Лексическое значение и внутренняя форма слова как способы концептуализации мира природы (на материале говоров Архангельской области): дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2004. 380 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. М.: Русский язык, 1993.

References

- Berdinskikh V. A. *Krest'yanskaya civilizaciya v Rossii* [Peasant civilization in Russia]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 427 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoego russkogo yazyka. V 2-kh tomakh.* [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language in 2 vols.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Tom 3* [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ., 1971. 827 p.
- Gerd A. S. (ed). *Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions], iss. 6, St. Petersburg, St. Petersburg's university Publ., 2005. 992 p.
- Hohlova N. V. *Leksicheskoe znachenie i vnutrennaya forma slova kak sposoby konceptualizacii mira prirody (na materiale govorov Arhangel'skoj oblasti)* [Lexical meaning and internal form of the word as ways of conceptualization of the world of nature (by the material of the dialects of the Arkhangelsk region)]. Ph. D. thesis. Arhangel'sk, 2004. 380 p.
- Lichutin V. V. *Raskol. Voznesenie* [Split. Historical novel in 3 books. Book 3. Ascension]. Moscow, Informpechat' Publ., 2000. 799 p.
- Panikarovskaya T. G. (ed.). *Slovar' vologodskih govorov* [Dictionary of Vologda dialects], iss. 10, Vologodskii state pedagogical institute, Vologda, Legiya Publ., 2005. 181 p.
- Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of the Russian folk dialects]. AN SSSR, Russian Language Institute. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1965–, iss. 40. 2006.
- Slovar' sovremennoego russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. AN SSSR, Russian Language Institute. Moscow–Leningrad, 1950–1965. Vol. 14. 1963.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. V 4-kh tomakh.* [Explanatory dictionary of Russian language in 4 vols.]. Moscow, Gosudarstvennyi Institut "Sovetskaya Entsiklopediya" Publ., 1935–1940.